

**НРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЬИ
В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»**

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ,
проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»*

В статье рассматриваются нравственные и духовные основы формирования семьи русского крестьянина 60-х годов XX века на примере повести В.И. Белова «Привычное дело». Описываются ценностные ориентиры создания и сохранения семьи (любовь, дети, преемственность поколений, следование идее жизненного круга), а также условия и причины разлада в семье, вызванные нарушением привычного образа жизни или сменой жизненного уклада в деревне, влиянием городской среды.

Василий Белов, поэтика прозы, мотивный анализ, система родства, семья.

The article deals with moral and ethical basis of the Russian peasant's family in 60-s of XX century described in the short story by V. Belov *An Ordinary Affair (Privichnoe delo)*. There value orientation in creating and preserving family (love, children, traditions of generations, following the idea of life circle) as well as reasons for disharmony in family impacted by breaking the ordinary state of life and changes of rut in the village influenced by urban environment are described.

Vasily Belov, poetics of prose, motive analysis, system of relationship, family.

Введение

Проблема семейных отношений и условий их сохранения, ценности семьи оказывается в центре многих произведений В.И. Белова. И это не случайно. Ведь именно семья на протяжении долгих тысячелетий выступает организующим началом всех явлений духовной жизни человека. Описывая уклад жизни и судьбы русских крестьян, автор формирует собственную концепцию семьи в цикле произведений под общим названием «Воспитание по доктору Споку», очерках народной эстетики «Лад» и, конечно, в повести «Привычное дело», опубликованной в 1966 г. в журнале «Север» и принесшей писателю широкое признание. Как справедливо отмечает Н.В. Дворянова, «Привычное дело» – это попытка «художественного постижения социальных, нравственно-философских аспектов истории и современного состояния семьи, родственных отношений, супружеской любви и семейного воспитания» [3, с. 6]. При этом В.И. Белов не ограничивается описанием идеальных семейных отношений, он осмысляет причины разрушения семейных ценностей, распада семьи, находится в поиске пути обретения семейного и душевного лада.

Основная часть

Повесть с подзаголовком «Из прошлого одной семьи» первоначально мыслилась как доверительный рассказ о судьбе сельской семьи, глубоких чувствах между главными персонажами произведения Иваном Африкановичем Дрыновым и его женой Катериной. Однако повествование о жизни героев не отделимо от постижения острых нравственных и социальных проблем деревни 1960-х гг.

Объединение в семью невозможно без чувства любви. «Любить означало то же самое, что жалеть, любовь бывала «горячая» и «холодная», – отмечал писатель в «Ладе» [1, с. 125]. Оппозиция «горячая –

холодная» любовь раскрывается Беловым и в повести. С Катериной была у Ивана Африкановича любовь «горячая», взаимная, глубокая. Дрынову было с чем сравнивать, ведь первая его женитьба «не по любви», а по воле матери и обстоятельств свела его с «молчаливой девкой из дальних заозерных мест» [2, с. 24]. Семья не сложилась, «у них была холодная любовь: дети не рождались» [2, с. 24]. Одной физической близости недостаточно. Для настоящей любви необходимо родство душ. Размышляя об этом, сам Иван Африканович выражает эту идею так: «Вот с Катериной – горячая любовь, уйдет она в поле, на ферму ли, ему будто душу вынет» [2, с. 24]. Упоминания о физическом контакте довольно редки: в ворчании тещи о том, что им бы с Катериной только обниматься; в скупых описаниях проявления ласки Катерины к мужу («провела ладонью по жесткой щеке Ивана Африканович, но он уже спал» [2, с. 60]). Чувство это не облачается героями в слова, понятно им без признаний, без объяснений. Идея Антония Сурожского о том, что муж и жена «оказываются чем-то большим, чем двоица, чем просто два человека, – оказываются единством» [5, с. 472] мастерски воплощена В. Беловым в отношениях главных персонажей и особенно ярко проявляется в ситуациях разлуки. Когда Катерину увозят рожать, Дрынов сообщает теще, что «без Катерины он хуже всякой сироты» [2, с. 22], тоска по ней проявляется «в светливом и бестолковом буйстве в душе», которое сменяется «тревогой и жалостью к Катерине». Во время болезни жены Иван Африканович и сам как будто заболевает: «похудел и оброс», «в руках у него ничего не держится, глаза ни на что не глядят», «осутулится», «глубже стала тройная морщина на лбу, пальцы на руках все время чуть подрагивали». С Катериной возвращается счастье, душа («Вернулась... И опять все успокоилось в душе – много ли человеку надо?» [2, с. 49]).

Расставание с любимым человеком – утрата части себя самого. Слова «душа», «сердце», «нутро», «грудь» оказываются ключевыми (частотными) в таком описании: Иван Африканович – «почти бежал, волнение опять нарастало где-то в самом нутре, около сердца» [2, с. 24], «еще с ночи на душе было какое-то странное беспокойство, он словно чувял сердцем, что сегодня придет Катерина»; Катерина – «будто сердце чувяло, Катерине стало горько, когда он ушел в гости», «почуяла, как у нее чего-то тоскливо и больно сжалось в груди» [2, с. 48] (ср. с устойчивым выражением «сжалось сердце»).

Единение любящих постигается героями не во внешнем речевом выражении и даже не во внутренних монологах, а в бессознательном потоке мыслей, возникающем в состоянии сна, болезни и приближения смерти. Пророческий сон перед приходом Катерины из больницы, в котором Иван Африканович поит жену чистой серебряной водой, передает не постижимое словами чувство героя: он «не смог запомнить, что говорила, помнил только ясное острое ощущение близости Катерины, ощущение ее и его жалости и любви друг к другу» [2, с. 49]. Прощаясь у того же родника перед отъездом, Дрынов испытывает похожее состояние: «взглянул на жену и вдруг весь сжался от боли, жалости и любви к ней», но «ничего не сказал, лишь обнял, оттолкнул, будто с берега в омут оттолкнул» [2, с. 91]. Невозможность осознать и выразить (хотя бы во внутренней речи) сообщение (точнее даже, догадку) о смерти жены («баба чья-то умерла в вашей деревне») показана автором как физическая реакция организма на боль и отчаяние: «... встал, прошел метров двести, остановился. И вдруг затрясся, замотал головой, побежал, остановился опять. Потом ноги у него подкосились, он хряснулся на дорогу, зажал руками голову, перекатился в придорожную траву. Кулаком бухал луговину, грыз землю...» [2, с. 101]. Так В.И. Белов через внешние признаки переживаний, вещные детали воспроизводит мироощущение героев, их внутренний мир и взаимоотношения.

Целый комплекс эмоциональных состояний сопровождает отношения любящих друг друга Ивана Африкановича и Катерину: душевное спокойствие и тепло, счастье и радость, когда они рядом; тоска, тревога, волнение, беспокойство, боль в разлуке. «Жить врозь мучительно, тяжело, но вместе – легко и привычно» [5, с. 472].

Привычным делом оказывается и воспитание девяти детей. Это естественное воплощение их любви, их продолжение. Многодетная семья во все времена пользовалась в деревне всеобщим уважением. Подтверждением тому пословицы русского народа: «Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын», «У кого детей много, тот не забыт от бога», «Кто красен дочерьми да сынами в почете, тот в благодати».

Катерина – средоточие материнского начала, гармонии (лада) в семье, в доме и в жизни семьи. Материнская забота проявляется в постоянных думах о детях во время работы, болезни, кратких мгновений отдыха: «всё ли ладно, здоровы ли ребятинки?» [2, с. 47], «одна пока откололась, Танюшка, без

родных людей живет...» [2, с. 42]. И в отношении к мужу Катерина ощущает себя как жена и одновременно мать: «Чья и есть, как не твоя, сколько годов об ручку идем, ребят накопили. Все родились крепкие, как гудочки. Растут. Девять вот, а десятый сам Иван Африканович, сам иной раз как дитя малое, чего говорить» [2, с. 40]).

Благодаря приему «слияния голосов» автора и героя [3, с. 10], используемому в гомофонической художественной структуре (термин В.Н. Евсеева [4, с. 15]), В. Белову удается показать проявления глубочайшей внутренней связи матери с детьми. Возвращаясь из больницы, Катерина присела на бревно и вдруг до боли в груди «почуяла» присутствие своей дочери Маруси, «бросилась к ней, прижала девочку к себе <...>, поправила волосенки, ладонью осушила Марусины слезы и говорила, говорила ласковые тихие слова» [2, с. 48]. Особое единение (телесное и духовное) с младенцем, сосущим материнскую грудь, описано в образах кинестетических («соском чувствовала, как мальчонка улыбается в темноте») и ментальных (через внутреннюю речь матери: «Ешь, милый, ешь, – мысленно торопила она. – видишь, матке у тебя все время-то нет, вон и бежать надо» [2, с. 39]).

Детям не хватает материнского внимания, ведь Катерина целыми днями трудится на ферме. Нерывная духовная связь с матерью показана Беловым через смену эмоционального состояния ребенка от тоски, тревоги к радости: «Ему (Володе) и сейчас хотелось в люльку. Еще ему хотелось, чтобы рядом была мать, и эта тоска, боль оттого, что матери нет рядом, сама собой выливалась в жажду завладеть люлькой... Тоска по всегда отсутствующей матери точила его сердечко, а когда уходила бабка, ему было и вовсе невмоготу. Даже не помогла укачивание колыбели» [2, с. 28–29]. «Упоминание о матери отразилось на Марусином личике долгой изумленно-тревожной улыбкой. Она словно бы вспомнила, что у нее есть мама, и вся засветилась от радости, восхищенно вздохнула: – Мамушка?» [2, с. 29].

Тема детства в повести «Привычное дело» связана с передачей непосредственности, созерцательности, естественно-природного согласия с миром, бескорыстия и сердечной доброты» [3, с. 11].

Непрерывный жизненный цикл, идея преемственности поколений воплощены Беловым в именовании родителей и детей. Новорожденному младенцу дают имя Иван, одна из дочерей носит имя Катерина. Идея жизненного круга, бесконечного, как остановившееся время, вербализована писателем в сравнении двух Иванов: «Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала» [2, с. 39]. Первый покос Катюшки становится последним для ее матери Катерины. После смерти жены заплутавший в лесу Иван Африканович размышляет о судьбе жены и своей собственной и постепенно приходит к осознанию жизненного круга. Движение мысли от отдельной личности человека к устройству мира (природного и социального) передано в логической цепи вопросов, ответы на которые

находит Иван Африканович: Для чего рождается человек? Что было до его рождения? Что останется после его смерти? Что там-то, на той стороне? Вот не стало Катерины, где она? Ведь «ничего после смерти не будет, одна чернота, пустое место» [2, с. 122]. Но останутся другие, пусть без него, но жизнь не остановится и уже ради этого стоит продолжать жить. Жизнь не прекращается, находит продолжение в детях, как меняются сезоны, умирает к зиме и возрождается весной природа, так на смену одному поколению (символична в этом отношении смерть Катерины поздней осенью, первый покос дочери и последний матери) приходит другое (рождение маленького Ивана ранней весной). «*Конца нет этому круговороту... и не будет*» [2, с. 124].

Кольцевая композиция подчеркивает философскую проблематику «Привычного дела». Личность погружена в круговорот природной жизни. Повторяемость природного цикла символизирует стабильные основы и непрерывность обновления жизни человека и рода. С одной стороны, смерть Катерины – нарушение этой гармонии, идеи бесконечности рода, с другой – дети Ивана и Катерины – продолжение естественной преемственности поколений, непрерывности жизненного потока.

Писатель постоянно проводит аналогии: гармония в природе – в родных местах и в доме – в жизни человека – в семье. Так, возвращаясь из больницы, Катерина замечает: «*До чего же хорошо дома, до чего зелено стало*» [2, с. 48], отогревая замерзшего воробья, Иван Африканович философски размышляет: «*Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись*» [2, с. 38].

Таким образом, в беловской концепции условие «лада» – сила нравственной традиции, находящая свое выражение в живых человеческих связях, гармонии человеческих отношений, связи человека и природы, в сменяющей друг друга череде поколений.

Устойчивыми же признаками разлада становятся смена жизненных укладов, ситуация разрушаемой «привычной» среды. Знаками «лада» или «разлада» становятся у В. Белова одни и те же предметы окружающего мира: печь, самовар, часы в избе, корова Рогуля. Затопленная утром печь – символ начинающегося нового дня («*Женки вон печи затопили, кажутся у шестков – жись. И все добро, все ладно*»), продолжения жизни, уюта, сытости, спокойствия, душевного тепла. Не случайно, говоря о первой своей жене, Иван Африканович называет ее «*бездушной, как нетопленная печь*». Не отходя от печи, бабка Евстоля, рассказывает детям сказку о пошехонцах. Начало сказки символично: «*...все-то у тех мужиков неладно шло. А деревня-то завелась большая, а печи-то бабы топили все в разное времечко...*» *Запалят ..., да и давай блины творить. Пока блины-то ходят, печка протопится, баба вдругорядь растоплять... Блины-то возьмут и закиснут. Так и маялись, сердешные*. Нарушение привычного порядка вносит хаос и разлад, переворачивает все с ног на голову. Разрушающей лад в доме становится болезнь Катерины («*...колесом пошла вся жизнь. В доме сразу как нетоплено стало*»).

Мерно тикающие часы, легко поскрипывающий оцеп, качающаяся люлька, шумящий у шестка самовар – повторяющиеся на протяжении текста детали, которые отражают равновесие домашнего мира, лада в доме и в семье. В то же время поврежденные по дороге к сельпо два самовара становятся с одной стороны, точкой отсчета тех бед в семье Дрыновых, о которых читатель узнает в начале повести, с другой – демонстрирует способность вместе противостоять трудностям. Мерный, спокойный ход часов в доме становится тревожным, подобно сердцу Катерины, которое дает сбой, нарушая привычное течение жизни.

Традиционный семейный уклад соприкасается с иным, непривычным для деревни образом жизни. Так, тракторист Мишка Петров не спешит жениться («*путаник, дак путаник и есть*» [2, с. 59]), приехавший из города брат Катерины Митька постоянно пьет, «*весь измотался, работает по разным местам, да и бабы все переменные...*» [2, с. 37], у бойкой бабенки Дашки Путанки было бы детей «*два раза по семеро и все в разную масть, кабы не абортты*», «*трех мужиков извела, не прижился около ни один, все убежали..., вся измоталась, как пустая мочатка*» [2, с. 41].

Выводы

Как справедливо отмечает В.Н. Евсеев, «в беловском художественном пространстве трагическое (ситуация одиночества, нарушения родственных связей человека с миром, разрушение обычного образа жизни) возникает на «выходе» человека из привычного круга, сферы жизни, когда в привычный «лад» вторгаются признаки «разлада». Степень стойкости личности в писательской концепции определяется ее способностью противостоять разладу» [4, с. 12]. И.В. Чеботарева считает «лад» в прозе и публицистике В.И. Белова смысловым аналогом понятия «соборность», которое вполне применимо к устройству традиционной крестьянской семьи [6]. И хотя религиозная тема остается за рамками сюжета повести (исключая эпизод моления бабки Евстоля), читатель постоянно ощущает в тексте незримое присутствие православных ценностей русской патриархальной семьи.

Литература

1. Белов В.И. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3. Лад: Очерки о народной эстетике. Пьесы. М., 1984. 478 с.
2. Белов В.И. Повести и рассказы. М., 1984. 543 с.
3. Дворянова Н.В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960–1970-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.
4. Евсеев В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1989. 16 с.
5. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. Москва, 2002. 984 с.
6. Чеботарева И.В. Идея соборности в прозе В.И. Белова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 189 с.